

ФОЛЬКЛОР И ФОЛЬКЛОРИСТЫ ОБРЯДЫ

Н. В. Новиков

К ПОРТРЕТУ Ф. Д. СТУДИТСКОГО

Жизнь и деятельность Ф. Д. Студитского, фольклориста, педагога и публициста, теснейшим образом связанные с Северо-Западом, к сожалению, остаются малоизвестными в нашей науке. Имеющиеся о нем сведения отрывочны, неполны, а в ряде случаев ошибочны и недостоверны. Между тем личность Ф. Д. Студитского и его труды представляют несомненно общественный и научный интерес и вполне заслуживают специального рассмотрения.

1

Федор Дмитриевич Студитский родился 20 сентября (2 октября) 1815 г.¹ в г. Грязовце Вологодской губернии в семье по-вытчика местного духовного правления Дмитрия Васильевича Скворцова.

Мать Ф. Д. Студитского Александра Федоровна была дочерью небогатого пошехонского помещика, происходившего из духовного звания. Рано лишившись родителей, она воспитывалась в доме опекуна — помещика Кафтырева, откуда тринадцатилетней девушкой и была выдана замуж за вдовца Д. В. Скворцова. Умерла Александра Федоровна в 1829 г. на 28-м году жизни, оставив трех детей: сына-первенца Федора, имя и фамилию которому дали в честь деда по матери, и двух дочерей.²

¹ Дата рождения Ф. Д. Студитского нами уточнена по статье: Руки и П. Ф. Д. Студитский (К столетию со дня рождения 1815—1915). — Прибавление к «Вологодским епархиальным ведомостям», 1915, 15 сент., с. 496. См. также: Веселовские и А. А. Вологжане-краеведы. Вологда, 1923, с. 163.

² Всего у Александры Федоровны было пять детей, из них двое умерли еще в малолетстве. См.: Руки и П. Указ. соч., с. 499.

Детство Ф. Д. Студитского прошло в г. Грязовце в достаточно обеспеченной семье, в окружении внимания и заботы со стороны родителей, особенно матери, которая оказала большое и благотворное влияние на духовный мир ребенка. Окончив первым учеником местное училище, Студитский в 1827 г. поступает в четвертый класс Вологодской гимназии, и за все время пребывания в ней живет в доме Иваницких. Здесь у него устанавливается многолетняя дружба с младшим из двух братьев Иваницких, одноклассником по гимназии — Николаем Ивановичем Иваницким (1816—1858), впоследствии видным педагогом, автором известных автобиографических записок.³

Вологодская гимназия конца 20-х—начала 30-х годов представляла типичное заведение николаевской России. Учителя, за редким исключением, были из семинаристов, людьми малосведущими, некоторые из них, как вспоминает Н. И. Иваницкий, «крепко придерживались чарочки», отличались неряшливостью и грубостью, «ничего не знали и вовсе не умели учить»; на занятиях царила зубрежка и схоластика, учились «кое-чему и кое-как».⁴

Уроки словесности, к которым особую склонность проявляли Николай Иваницкий и Федор Студитский, вел Дружинин. И хотя он имел полное классическое образование и во мнении гимназистов слыл «самым ученейшим человеком», его поведение в быту находилось на том же уровне, что и многих учителей-семинаристов, а его преподавание словесности носило сугубо формальный характер, было оторвано от жизни и текущей литературы. Дружинин неукоснительно требовал от учащихся, чтобы они писали сочинения по образцам классической древности, и потому, замечает Иваницкий, «самый слог сочинений наших отзывался XVIII столетием, а о мыслях и говорить нечего. Темы, на которые писали мы сочинения, были самые общие, несколько не занимавшие нас, а формы были чисто риторические. Стало быть, что в них было хорошего? Хрии и ораторские речи несколько не были сообразны ни с нашим образом представлений, ни с нашими мыслями: мы писали их потому только, что так было велено...».⁵

«Классицизм» и схоластика, господствовавшие на уроках, особенно на уроках словесности, вызывали известную реакцию гимназистов, жаждущих живой мысли и живого слова. Они затевали между собой непринужденную, не скованную цензурой учителя, переписку («секретную литературу»), где свободно высказывали друг другу то, что их занимало и волновало; читали романы Радклиф и Дюкреди-Мениля и особенно увлекались произведениями русских поэтов.

«Но, — пишет Иваницкий, — не имея средств достать ни одного порядочного автора вполне, мы обыкновенно доставали рукопис-

³ Воспоминания Н. И. Иваницкого. — В кн.: Щукинский сборник. Вып. VIII. М., 1909, с. 218—358.

⁴ Там же, с. 225—227.

⁵ Там же, с. 231.

ные тетради од Ломоносова, Державина, некоторых поэм Пушкина, сказок Дмитриева, баллад Жуковского и т. п.; все это прилежно списывали и большей частью выучивали наизусть».⁶

Наконец, на последнем году гимназического обучения Иваницкий и Студитский с небольшой группой товарищей организовали свой рукописный журнал под названием «Василек», где помещали собственные статьи в прозе и стихах. Журнал издавался ежемесячно по одной тетради и обменивался на журнал «Муравей», который выпускали гимназисты шестого класса.⁷

Появление в стенах Вологодской гимназии в 1830 г. нового учителя истории и статистики М. Ф. Беляева сыграло решающую роль в дальнейших судьбах Студитского и его друзей-одноклассников, в частности Н. И. Иваницкого. М. Ф. Беляев уговорил их остаться на второй год обучения в седьмом классе с тем, чтобы потом попытаться поступить в университет.⁸

Вступительные экзамены в С.-Петербургский университет Студитский держал осенью 1832 г. и был принят казенно-коштным студентом на филологический факультет. Вместе с ним поступил в университет на тот же факультет и Н. И. Иваницкий.

Годы студенческой жизни Студитского прошли в атмосфере пушкинского Петербурга. Он посещал лекции по русской словесности П. А. Плетнева; возможно, как и Н. И. Иваницкий, присутствовал на лекциях по истории средних веков Н. В. Гоголя и бывал по пятницам у А. В. Никитенки, где собирался тогда цвет петербургского литературного и научного мира.

Из лекций, прослушанных Студитским по необязательной для студентов-филологов программе, сильное впечатление на него произвели лекции по политической экономии Н. И. Бутырского. Именно «необыкновенной занимательности» лекций Бутырского, его таланту излагать свой предмет «картинно, живо и с особой одушевленностью», признавался впоследствии Студитский, он обязан «знакомству с политико-экономической истиною» и тем, что в нем «пробудилась охота к чтению некоторых политико-экономических сочинений». Более того, писал Студитский, лекции Бутырского оказали благотворное влияние на его образование и всю дальнейшую деятельность.⁹

С.-Петербургский университет Студитский окончил весной 1836 г. Начальство в лице попечителя учебного округа, пользуясь своим правом в течение шести лет по окончании университета определять место службы бывших казенно-коштных студентов по своему усмотрению, направило Студитского в Псковскую губернию на должность учителя русского языка уездного училища в г. Порхов. В Порхове Студитский пробыл год, совмещая работу в училище с частными уроками в семье помещика П. М. Бала-

⁶ Там же, с. 228.

⁷ Там же, с. 238.

⁸ Там же, с. 236.

⁹ Студитский Ф. Задачи русской жизни. СПб., 1881, с. 188—190.

венского, усадьба которого находилась в десяти верстах от города (сельцо Хилово). В 1837 г. Студитский переводится в Псков, где ведет занятия по русскому языку и географии в низших классах гимназии. Сюда же в 1838 г. назначается учителем и Иваницкий. Пути земляков-вологжан вновь скрещиваются и не расходятся до 1840 г.

«Жил я вместе со Студитским и Барановским, — вспоминает Н. И. Иваницкий. — Первого знал уже и прежде, учившись с ним вместе с самого детства, а второго знал в У[ниверсите]те... Жили мы на Завеличье, т. е. за рекой Великой, сперва во флигеле, а потом в доме Петергофского священника. Дом был большой, и поэтому мы взяли еще к себе Костовича и Молоховца, учителя правоведения, только что приехавшего из Петербурга. Стало быть, все мы были студенты одного У[ниверсите]та и жили дружно».¹⁰ Общие педагогические и литературные интересы сближали молодых людей; свободное от службы время они проводили в чтении, литературных занятиях, товарищеских беседах, совместных выездах за город.

Четыре года пребывания в Пскове — важная веха в творческой биографии Студитского. Именно здесь он впервые начинает печататься. Во второй половине 1840 г. выходит его первое учебное пособие «География для детей» и почти одновременно с ним появляются два его очерка историко-краеведческого характера — «Печоры»¹¹ и «Порховская крепость».¹² Здесь же и, по всей видимости, в тесном общении с Н. И. Иваницким окончательно укомплектовывается и отрабатывается рукопись сборника «Народные песни Вологодской и Олонецкой губерний», издание которой успешно осуществляется в следующем, 1841 г. В Пскове Студитский также интенсивно накапливает разнообразные материалы по педагогической практике. Эти материалы уже в ближайшие годы явятся для него существенной опорой при издании ряда учебных пособий и наставлений.

В начало 1840 г. Студитский, попав в опалу к гимназическому начальству, получает от попечителя учебного округа строгий выговор и указание немедленно покинуть Псков и отправиться на новое место службы в уездное училище г. Вытегра (Вологодской губ.). Причины столь сурового наказания сам Студитский объяснял какими-то дошедшими до попечителя сведениями о его будто бы «дерзком и своевольном поступке против ближайшего начальства». Об этом он пишет 15 февраля 1840 г. в письме к П. А. Плетневу, жалуясь при этом на учиненное явное беззаконие, и просит у него заступничества.¹³ Мы не знаем, что предпринял по письму Плетнев, однако известно, что до Вытегры Сту-

¹⁰ Воспоминания Н. И. Иваницкого, с. 284.

¹¹ Псковские губернские ведомости, 1840, 3, 10 и 24 апреля.

¹² С.-Петербургские ведомости, 1840, 13 окт.

¹³ Рукописн. отд. ИРЛИ АН СССР, ф. 234, оп. 2, № 635 (архив П. А. Плетнева).

дитский, говоря его словами, «не доехал»¹⁴ и его педагогическая карьера продолжалась в учебных заведениях под Петербургом, а затем и в самом Петербурге. Вплоть до своей отставки (1868) он преподает сначала в Гатчинском уездном училище, а затем в Павловском кадетском корпусе, Екатерининском, Павловском и Смольном женских институтах, Коломенской и Вознесенской женских гимназиях. В институтах и гимназиях ему приходится вести уроки не только по русскому языку, словесности и географии, но и истории, физике и статистике.

С переводом Студитского в Петербург окрепли и расширились его научно-литературные и издательские связи, что самым благоприятным образом отразилось прежде всего на выходе в свет его учебной литературы для детей (азбук и различного рода пособий, преимущественно по географии и истории). Он избирается в члены-корреспонденты Вольного экономического общества (1847), сотрудничает в журнале «Иллюстрация», в газете «Северная почта» (1862), редактирует газеты «Мирское слово» (сентябрь 1865—декабрь 1867), «Содействие русской торговле и промышленности» и «Деятельность» (1868).

В первой половине 1868 г. Студитский публикует в газете «Содействие русской торговле и промышленности» несколько острых полемических статей об образовании, направленных против «Московских ведомостей», что заставляет его в том же году уйти в отставку с педагогической службы.

В течение 70—80-х годов Студитский вместе со своей семьей (жена и двое детей) живет на случайные заработки — главным образом от литературных занятий и частных уроков. Лишь в 1876 г. ему удается получить постоянное место делопроизводителя в Обществе для содействия русскому торговому мореходству, где на мизерном окладе он проработал до 1881 г. Из печатных работ Студитского этого периода достойны быть упомянуты две. Одна из них фольклорная. Это — известный сборник «Народные песни, собранные в Новгородской губернии» (1874), другая публицистическая — книга «Задачи русской жизни» (1881), составленная из статей, большей частью опубликованных автором в различных периодических изданиях на протяжении 60—70-х годов. Кроме того, под его редакцией и при непосредственном авторском участии вышло несколько томов «Трудов Общества для содействия русскому торговому мореходству» (1877—1881) и была составлена подробная (в двух частях) «История открытия морского пути из Европы в Сибирские реки и до Берингова пролива» (1883).

¹⁴ Утверждение, что Студитский служил в Вытегре, а отсюда переведен в Петербург (Новое время, 1893, 26 янв.) ошибочно, как, впрочем, ошибочно и другое (см.: Гура В. В. Вологодский край и его народная поэзия. — В кн.: Сказки, песни, частушки Вологодского края. Вологда, 1965, с. IX) — о его якобы педагогической деятельности в стенах Вологодской гимназии.

В конце 80-х годов Студитский переезжает из Петербурга на постоянное местожительство в Новгородскую губернию, где и умирает в январе 1893 г.

2

«Участь полного забвения» Ф. Д. Студитского как замечательного деятеля на педагогическом поприще, о чем писал П. Рукин еще в 1915 г.,¹⁵ продолжается и поныне. Весьма примечательно, например, что его имя даже не упоминается в «Педагогической энциклопедии», изданной в советское время.

Учительским занятиям в различных учебных заведениях России Студитский посвятил более 30 лет своей жизни. Глубоко и творчески вникая в школьное дело, он зарекомендовал себя не только прекрасным педагогом-воспитателем, но и, как мы уже отмечали, автором ряда учебных пособий и книжек для начального чтения.

Принципы, которыми руководствовался Студитский в своей педагогической деятельности, были близки принципам передовых представителей русской педагогической мысли 40—60-х годов — революционных демократов и таких деятелей, как Н. И. Пирогов, К. Д. Ушинский, Л. Н. Толстой. Всю жизнь Студитским владела одна главная идея — идея необходимости широкого и энергичного распространения грамотности и образования среди русского народа. Собственно этой благородной просветительской идее и была подчинена вся его практическая и теоретическая деятельность.

Уже в конце 30-х годов Студитский серьезно задумывается над существующей системой обучения детей первоначальной грамотности и решительно отвергает ее как устаревшую и несовершенную. «В 1837 году, — писал он впоследствии, — в Порховском приходском училище поразило меня целым классом чтение складов: брю, врю, грю и т. д. Такое негармоническое, печальное пение обыкновенно продолжалось целый час... Случалось мне видеть, как дьячок учил грамоте крестьянских детей: он лежал на полатах, а за столом у него четыре мальчика читали; один из них букварь, другой — склады, третий — часослов, четвертый — псалтырь. И дьячок поправлял с полатей их всех. Можете представить, какая была гармония: они все не читали, а распевали. Так они учились часа три каждый день».¹⁶ Все зло такого «метода» обучения чтению Студитский видел в том, что оно непомерно растягивалось (иногда на два-три года, а то и на больший срок), сопровождалось сплошной зубрежкой и физическими наказаниями, а потому неудивительно, если крестьяне неохотно посылали своих детей учиться.

¹⁵ Рукин П. Указ. соч., с. 493.

¹⁶ Студитский Ф. Задачи русской жизни, с. 233—234.

Чтобы грамотность быстро и широко распространялась, следует, по Студитскому, с учащимися обращаться ласково, гуманно, заинтересовывать их уроком, отучать от бессознательного заучивания наизусть.

«Ведя постоянную борьбу с бессознательным заучиванием наизусть, — писал он, — я убедился, что необходимо позаботиться о разумном и толковом обучении грамоте: нужно принять меры, чтобы дети с самых первых дней учения все понимали, а не приучались произносить непонятные им звуки...».¹⁷

Между прочим, такая установка на обучение проливает свет на истинную причину увольнения Студитского из Псковской гимназии в 1840 г. (о чем мы говорили), где он вопреки начальству «не заставлял своих учеников учить географию Арсентьева слово в слово, а требовал, чтобы они все понимали».¹⁸

Стремясь сделать грамоту общедоступной и легко усвояемой, Студитский изобретает и выпускает в 1846 г. свою первую азбуку для детей с подвижными буквами. В 1860 г. он переделывает ее в азбуку, предназначенную специально для крестьянских детей, и становится ее ревностным пропагандистом. Эта азбука получает положительную оценку в печати и на протяжении второй половины XIX в. многократно переиздается, нередко вместе с руководством по ее применению.

Последовательно идти в преподавании любого предмета от простого к сложному, от знакомого к мало и вовсе неизвестному — такова метода, которой твердо придерживается Студитский-педагог. Он, например, настоятельно рекомендует начинать изучение географии с детьми не с Азии, Африки, Австралии, Америки или Европы, а с России и, более того, с той местности, где живут сами учащиеся. Сознательное усвоение предмета, по словам Студитского, должно пробудить в детях природную любознательность, внушить им не отвращение, а расположение к науке и в конечном счете развить в них самостоятельность суждений и способностей — главной цели обучения. К сожалению, констатирует он, преподавание географии в школах начинается не с России, а с других, отдаленных от нее стран, в результате чего многие учащиеся, не дойдя до того класса, в котором изучается география России, не получают о ней сведений. «Между тем как эти-то сведения, — по твердому убеждению Студитского, — им более всего необходимы в жизни».

В направлении демократической педагогики 60-х годов Студитский обосновал, развил и пытался реализовать на практике также тезис о необходимости соединения образования с полезным физическим трудом, считая, что главная цель воспитания — подготовка детей к труду, к полезной деятельности на благо общества.

¹⁷ Там же, с. 235—236.

¹⁸ Там же, с. 61.

О том, насколько разнообразна была деятельность Студитского-публициста, можно судить по его многочисленным статьям и заметкам, опубликованным в газетах «Мирское слово», «Содействие» и «Деятельность», в «Трудах Общества для содействия русскому торговому мореходству» и в некоторых других органах периодической печати, а также в его книге «Задачи русской жизни».

Собственно, основная и наиболее существенная часть его печатных работ группируется вокруг двух стержневых, взаимосвязанных друг с другом проблем — проблем развития экономики и образования в России.

В экономическом отношении, писал Студитский, Россия отсталая и бедная страна. Для того чтобы преодолеть эту отсталость и бедность, следует всемерно развивать отечественную промышленность, ремесла и промыслы, совершенствовать культуру земледелия. Только таким образом Россия может освободиться от пут иностранной зависимости. Особое внимание Студитский обращает на необходимость освоения огромных природных богатств Севера России и Сибири, что смогло бы, по его словам, не только поднять жизненный уровень голодающего и бедствующего тамошнего населения, но и увеличить во много крат общее благосостояние страны.¹⁹

Важно при этом, подчеркивал он, чтобы эти отдаленные и пока заброшенные земли были бы связаны с внешним миром, в том числе и с центральными областями России, надежным водным и сухопутным транспортом. Отсюда вполне понятен и закономерен тот повышенный интерес Студитского к Обществу для содействия русскому торговому мореходству и к разработке обширной темы географических открытий на Севере. Одним из показателей этого интереса могут служить его многочисленные доклады и сообщения, прочитанные на заседаниях Общества и опубликованные в «Трудах» последнего в 1877—1881 гг.²⁰ Впрочем, уже в 1881 г. Студитский полностью разочаровывается в делах Общества и прекращает какое-либо участие в его работе, убедившись в бессилии этой организации преодолеть равнодушие со стороны царского правительства к идее создания русского торгового флота.²¹

¹⁹ Студитский Ф. Собрание произведений Севера России — Мирское слово, 1867. 15 янв.

²⁰ В докладах и сообщениях Студитский касается широкого круга вопросов, в том числе таких, как создание отечественных навигационных школ, организация и упорядочение судоходства по внутренним водам, устройство каналов, проведение научно-исследовательских экспедиций на Севере России, об учреждении и развитии внешней морской торговли в Западной Сибири и др.

²¹ См.: Отчетный доклад Студитского о деятельности Общества 13 января 1881 года. — Труды Общества содействия развитию торгового мореходства. СПб., 1881, с. 12.

Большим тормозом в решении важных для России экономических задач в области промышленного развития Студитский считал классическую систему обучения, не отвечающую реальным потребностям и потому нуждающуюся в коренном преобразовании. Свои соображения на этот счет он неоднократно высказывал в печати, особенно в статьях, опубликованных в газете «Содействие» и направленных против «Московских ведомостей». ²² Вступая в открытую и принципиальную полемику с Катковым и Леонтьевым, Студитский вряд ли рассчитывал на ее благополучный для себя исход. И все же он сознательно шел на обострение борьбы с ними, ибо был глубоко убежден в своей правоте.

Главным предметом, вокруг которого разгорелась полемика, были древнегреческий и латинский языки.

Отрицательное отношение Студитского к обязательному изучению древних языков в учебных заведениях страны, конечно, отношь не означало, что он вообще был настроен против их изучения. Эти языки, считал он, нужны, но они нужны весьма ограниченному кругу людей — прежде всего самим учителям этих языков и тем, кто специально занимается древностью. Остальным (опять-таки за немногим исключением) следует овладевать живыми языками образованных народов, отдавая предпочтение тому, «который вошел в большее употребление и на котором можно знакомиться с произведениями всего образованного мира». ²³

С этих, достаточно четких позиций, Студитский и вступил в полемику с «Московскими ведомостями» в лице Каткова и Леонтьева — ярыми приверженцами и защитниками классического образования. Студитский не только подвергнул аргументированной и обстоятельной критике своих «высоких» оппонентов, но и публично высмеял их за ретроградство, за «туманное красноречие», за попытки напугать читателя «разными призраками», за выставление себя бескорыстными и бесстрашными борцами за правое дело.

Если «Московские ведомости», замечает Студитский, «считают мертвые языки образцами — лучшими орудиями для выражения мыслей и чувствований», так «отчего же бы гг. Каткову и Леонтьеву не писать по-латыни или по-гречески? Не для того ли „Московские ведомости“ и заботятся выучить молодое поколение греческому или латинскому языку. С следующего же года издавайте „Московские ведомости“ на греческом или латинском языке. Представляю вам на выбор, а пожалуй, и так: один будет писать по-гречески, а другой по-латыни. Докажите молодому поколению необходимость и пользу изучения древних языков». Далее в том же язвительно-проницательном тоне Студитский говорит о том, как не только ученики гимназий, но и «все европейские народы будут

²² См.: Содействие русской торговле и промышленности, 1868, 20 янв., 23 февр., 24 марта, 5 и 6 апр.; перепеч.: Студитский Ф. Задачи русской жизни, с. 8—14.

²³ Студитский Ф. Задачи русской жизни, с. 31.

восхищаться... великому подвигу» Каткова и Леонтьева и история непременно впишет их имена на свои страницы («что значит великое-то дело!»).

Выступая убежденным и последовательным противником классического образования, Студитский тем самым разделял точку зрения, которой придерживались в этом вопросе передовые люди 60—70-х годов.

4

Имя Ф. Д. Студитского в истории русской фольклористики обычно упоминается мимоходом: указываются даты его рождения и смерти, называются два его сборника народных песен и положительный отзыв на первый из них В. Г. Белинского. Этим по существу и ограничиваются сведения о собирателе. Попытки несколько расширить их встречаются лишь как исключения.²⁴

Интерес Студитского к фольклору подогревался обстановкой, сложившейся в образованных кругах русского общества в 30-х годах XIX в. и связанной с деятельностью прежде всего таких лиц, как П. В. Киреевский, И. П. Сахаров, В. И. Даль. О проводимой ими интенсивной работе по сбору произведений народнопоэтического творчества Студитский был несомненно осведомлен еще в студенческие годы. Непосредственным же толчком к записи народных песен для него послужил спор, разыгравшийся на одной из лекций по русской словесности П. А. Плетнева.

«В 1835 г., — вспоминает Ф. Д. Студитский, — профессор русской словесности П[летнев] с университетской кафедры уверял меня, что у нас очень мало народных созданий. Я отвечал ему, что в местах, отдаленных от столиц, сохраняется много народных преданий, сказок, песен, но они еще не собраны; вы не знаете их, потому так и говорите».²⁵

К сожалению, мы не располагаем какими-либо данными, где и когда начал свои фольклорные записи Студитский. По всей видимости, они начались в Вологодской губернии в студенческие каникулы 1835 г. и продолжались летом того же года, когда он уже находился на учительской службе в Пскове. Не исключено, что первые шаги на собирательском поприще в Вологодской губернии Студитский предпринял совместно с Н. И. Иванецким. Об этом можно судить хотя бы потому, что их песенно-фольклорные собрания вышли в одном и том же году²⁶ и заключали в себе

²⁴ См.: Милиц С. И., Савушкина Н. И. Народное устное поэтическое творчество Вологодской области. — В кн.: Сказки и песни Вологодской области. Вологда, 1955, с. 7—8; Гура В. В. Вологодский край и его народная поэзия, с. X—XI.

²⁵ Студитский Ф. Сборник народных песен и сказок. — Мирское слово, 1867, 1 мая.

²⁶ Собрание Н. И. Иванецкого «Причитания невесты в Вологодской губернии» появилось в «Москвитяине» (1840, ч. VI, № 12, с. 474—489).

много общего как в приемах записи, так и в публикации произведений народного творчества.

Насколько духовные интересы сближали этих людей, можно заключить по одновременному обращению их к разработке местной исторической и этнографической тематики, представленной у Ф. Д. Студитского двумя, ранее упомянутыми нами очерками, «Печоры» и «Порховская крепость», а у Н. И. Иваницкого — статьей «Осада Пскова Баторием».²⁷ Между прочим, в очерке «Порховская крепость» Студитский излагает услышанную им легенду о возникновении двух курганных насыпей близ Порхова и упоминает толока как своеобразный деревенский праздник, связанный с коллективным вывозом на поле навоза.

Для собирательской практики Студитского и его наблюдений за народной жизнью немаловажным обстоятельством было то, что свои служебные отпуска он, как правило, проводил в деревне, главным образом в северных губерниях России, находясь в постоянном общении с крестьянским людом.

Еще до выхода в свет своего первого сборника, подготовленного в Пскове в конце 30-х годов, Студитский обнародовал из него пять песен в «Отечественных записках»: «За речкой, за Невагушкой», «Собирался князь Михайло», «Как во городе было во Астрахани», «Ерема жил на горке» и «Те бы па помочь, красна девица». Песни печатались в сопровождении краткой вступительной заметки В. Г. Белинского и письма самого собирателя.²⁸

Сборник Студитского «Народные песни Вологодской и Олонецкой губерний» был издан сравнительно небольшим тиражом (600 экз.) и по своим размерам (в 1/16 листа) напоминал обычную карманную книжку. Всего в него входило 123 песни. Несмотря на это, он по праву может рассматриваться как крупная веха на пути становления русской фольклористики. Собственно, это было первое фольклорное издание, выполненное на уровне требований демократической научной общественности. На бледном фоне тогдашней фольклорной литературы сборник Студитского был очень примечательным явлением, и поэтому неудивительно, что на выход его откликнулись такие ведущие периодические издания, как «Отечественные записки», «Современник», «Библиотека для чтения», «Литературная газета».

В «Отечественных записках» о сборнике и его составителе, как известно, тепло отзывался В. Г. Белинский,²⁹ который не мог

²⁷ Псковские губернские ведомости, 1840, 21 февр.

²⁸ Отечественные записки, 1841, т. XVI, отд. VI, с. 55—58.

²⁹ Отечественные записки, 1841, т. XVIII, отд. VI, с. 42; перепеч. Белинский В. Г. Полн. собр. соч., т. V. М.—Л., 1954, с. 477—478. — В 1841 г. внимание В. Г. Белинского привлек и другой труд Студитского — «История для детей. История древних народов. Подарок детям на новый 1841 год», на который он также отзывался благожелательной рецензией, пожелав автору продолжить свое «прекрасное предприятие» и не медлить выдачей следующих книжек «Истории» (см.: Отечественные записки, 1841, т. XIX, отд. VI, с. 30—31).

не видеть в лице Студитского своего единомышленника во взглядах па народное творчество. Он назвал собирателя «знатоком своего дела», подчеркнул его любовь к этому делу и особо отметил, что, «по всему видно, г. Студитский издал вологодские и олонецкие песни без всяких изменений, сохранив все их народные отличия, что и необходимо в подобных изданиях».³⁰

В «Современнике» с отзывом о сборнике выступил П. А. Плетнев. Высказав мысль о необходимости накопления частных собраний русских народных песен, записанных в разных краях, чтобы потом на основе этих собраний, под наблюдением «опытного глаза» осуществить общее их издание, Плетнев заключает: «Г. Студитский, по-видимому, разделяет наше мнение — и вот почему он собрал песни только одного края. Его собрание очень замечательно и по новостям представленных им сокровищ и по самому изданию».³¹

Безымянный критик «Литературной газеты»,³² выразив «спасибо за всякий труд, предпринятый с целью споспешествовать скорейшему раскрытию хранилищ русской народности», отнес сборник Студитского к «не совсем бесполезным» изданиям. Вместе с тем он усмотрел в нем «промахи и несообразности», которые в свете позднейших научных требований никак не могут быть отнесены к недостаткам. Так, рецензент возражал против наличия в сборнике песен, на коих «лежит печать новейшего времени» («Уж мы бары-господа», «Шол из Питера питафет») и требовал, чтобы собиратель при явном подновлении, искажении и затемнении смысла записанной им песни ориентировался на старинные и общеизвестные образцы ее. Разумеется, в своей дальнейшей собирательской практике Студитский не мог принять и не принял этих требований.

Второй сборник Студитского «Народные песни, собранные в Новгородской губернии»³³ появился только в 1874 г., т. е. спустя тридцать с лишним лет после выхода из печати его «Народных песен Вологодской и Олонецкой губерний». Подобно первому сборнику, он также основывался на живых записях и наблюдениях составителя, произведенных им исподволь, в свободное от службы время, и отличался научной тщательностью и добросовестностью подготовки текстов. Всего в него вошло 65 песен. По сравнению со сборником 1841 г. во втором сборнике более четко и последовательно проведена рубрикация с выделением песен исторических, рекрутских, беседных или посиделочных, сва-

³⁰ Белинский В. Г. Полн. собр. соч., т. V, с. 478.

³¹ Современник, 1841, т. XXIV, с. 128; перенеч.: Сочинения и письма П. А. Плетнева, т. II, СПб., 1885, с. 324.

³² Литературная газета, 1842, 18 янв.

³³ Слово «собранные» внесено Студитским сознательно, поскольку заглавие первого сборника вызывало некоторое недоумение: на каком основании ряд общерусских (и даже явно украинских по происхождению) песен в сборнике фигурируют как Вологодские или Олонецкие (см. рецензию в «Литературной газете», 1842, 18 янв.).

дебных, хороводных, плясовых, святочных, а также уточнены места записи (г. Тихвин и его окрестности).

Эти два труда Ф. Д. Студитского — «Народные песни Вологодской и Олонецкой губерний» и «Народные песни, собранные в Новгородской губернии» — и составили существенный вклад его в отечественную фольклористику и в изучение общей национальной культуры нашей страны.

История собирания и изучения русского народнопоэтического творчества не может быть полной без упоминания имени Студитского и его сборников, что прекрасно подтверждается трудами А. Н. Пышина, М. К. Азадовского и других исследователей. Не может пройти мимо сборников Студитского и литературовед, изучающий творчество отдельных русских писателей XIX в., в частности Н. А. Некрасова, для которого, как сейчас хорошо установлено, они явились одним из важных фольклорных источников создания таких произведений, как поэмы «Кому на Руси жить хорошо» (песня про шелковую плетку — «Плетка свистнула, кровь пробрызнула» — в главе «Крестьянка») и «Коробейники» (песня «Ой полна, полна коробушка»).³⁴ Возможно, что к сборнику Студитского обратился и А. Н. Островский, в частности при создании пьесы «Бедность не порок» (1854).³⁵

Ф. Д. Студитский не занимался специально теоретической разработкой фольклора. Тем не менее его передовые взгляды на народное творчество, его собирание и изучение достаточно четко выкристаллизовываются не только в издательско-сборительской практике, о которой мы говорили, но и в коротких предисловиях, написанных им к двум своим сборникам, в письме к издателю «Отечественных записок» 1841 г. и, наконец, в единственной, насколько нам известно, статье «О сборниках народных песен и сказок», опубликованной в газете «Мирское слово».³⁶

Обзор жизни и деятельности Ф. Д. Студитского как педагога, публициста и фольклориста позволяет нам сказать, что он был человеком с ярко выраженной творческой индивидуальностью и развитым чувством патриотического долга.

Отдавая известную дань либеральным настроениям и заблуждениям,³⁷ Ф. Д. Студитский в то же время никогда не утрачивал критического отношения к окружающей действительности и прилагал много сил и энергии для обновления и преобразования ее отдельных сторон.

³⁴ См.: Колеснидкая И. М. Художественные особенности поэмы Н. А. Некрасова «Коробейники». — Вести. ЛГУ, 1954, № 3. с. 151.

³⁵ См.: Синюхаев Г. Островский и народная песня. — Изв. ОРЯС АН СССР, 1923. т. XXVIII, с. 45.

³⁶ Мирское слово, 1867. 1 мая.

³⁷ Ф. Д. Студитский, например, придерживался буржуазно-идеалистической теории, полагая, что решающую роль в жизни современного общества принадлежит просвещению. По его убеждению, просвещение, грамотность — единственное средство, с помощью которого в рамках существующего социального строя можно достичь всеобщего благосостояния.

Формирование его взглядов проходило под большим влиянием передовых идей того времени. А усвоению и закреплению этих идей во многом способствовало близкое общение с семьей Иваницких, особенно с Н. И. Иваницким, жизненные пути с которым, как мы видели, неоднократно сходились в Вологде, Петербурге и Пскове.

Будучи натурой честной, прямой и открытой, Ф. Д. Студитский, говоря его словами, никогда «не позволял себе прибегать к окольным путям для достижения своей цели»³⁸ и «всегда отдавал предпочтение истине перед ложью», высказывая мнения, часто совершенно противные мыслям «сильного лица».³⁹

О. Ю. Львовский

ИСТОРИЯ СОБИРАНИЯ И ИЗУЧЕНИЯ ФОЛЬКЛОРНЫХ И ЭТНОГРАФИЧЕСКИХ МАТЕРИАЛОВ ПО ЮГО-ЗАПАДУ ВОЛОГОДЧИНЫ

Цель настоящей историографической статьи — рассказать об этнографическом и фольклорном изучении юго-запада Вологодского края (это территория современного Грязовецкого р-на и небольшая часть территории Вологодского р-на Вологодской обл.).¹

Кажется, исследователей должен был привлекать этот пограничный край Русского Севера, это промежуточное звено между Поморьем и центром. Однако профессор Александр Александрович Веселовский, сын академика А. Н. Веселовского, много сделавший для изучения Русского Севера, Вологодчины, с горечью говорил о юго-западе края: «...его придется обследовать заново, ибо общих очерков (либо монографий отдельных местностей) о нем нет, а материалы о нем скудны, нестройны и случайны».² Исследователи издавна называют Вологодчину «фольклорным заповедником», «сокровищницей редкостной народной поэзии», однако работ обобщающего характера об этой сокровищнице почти нет. Ученых всегда влекли древности Вологды: великая госуда-

³⁸ Цит. по ст.: Рукин П. Указ. соч., с. 492.

³⁹ Студитский Ф. О сборниках народных песен и сказок. — Мирское слово, 1867. 1 мая.

¹ Данные этнолингвистики, диалектологии, истории заселения европейского Севера убеждают нас в правомерности выбора столь компактной территории. Так, А. В. Гура установил, что некоторые атрибуты свадебного обряда стойко хранились только и строго на компактной территории Грязовецкого и Вологодского уездов (см.: Гура А. В. Поэтическая терминология севернорусского свадебного обряда. — В кн.: Фольклор и этнография. Обряды и обрядовый фольклор. Л., 1974).

² Веселовский А. А. Назревшие задачи Вологодского краеведения в области этнографии. — Север (Вологда), 1927, кн. 2 (6), с. 102.